

Остров

В тот день Ганс проснулся первым. Лежал, приоткрыв глаза, смотрел на беленую стену и пытался удерживать за хвост сегодняшней сон. Вспомнил, наконец, канву и снова удивился — насколько все было в этом сне реалистично и как логично сплетались все кончики сюжета. Прислушался — снаружи было тихо, Гретель не звенела чашками, не напевала своих странных мелодий. Протянул руку влево и улыбнулся — вот же она, рядом, лежит, закутавшись в простыню с головой, тихонько посапывает.

Раз уж удалось проснуться раньше, пойду сварю кофе, подумал он. Осторожно, чтобы не разбудить, встал, натянул вылинявшие шорты, выскользнул за дверь на террасу. Солнце только что выглянуло из-за Миндального холма, значит, время восемь пятнадцать.

Он прошлепал босыми загрубевшими подошвами по прохладному камню в дальний угол террасы, над самым садом, и разжег плиту. Пора было идти вниз, в город, за баллонами, но на сегодня-завтра газа еще должно было хватить.

Ганс не спеша крутил ручку кофейной мельницы и, чуть щурясь, смотрел вниз — через просторный сад с десятком деревьев и зеленой короткой травой, на плавный серпантин, на город и на Адмиралтейскую бухту. Море сегодня было совсем тихим, зеркальным, и только расходились клином волны от узкой рыбацкой лодки, возвращавшейся с утренним уловом.

— Доброе утро, Ганс! — хозяйка выплыла из-за угла, за ней следовала чернокожая служанка с корзиной белья на голове. Миссис Ройс содержала свой небольшой пансион в идеальном порядке, не жалела воды на стирку и мытье полов, хотя даже и ручьев на острове не было — собирали в огромные бочки дождевую воду, по хитроумным желобам стекавшую с плоских крыш. Заканчивался сухой сезон, бочки были полупустыми и гулко отзывались, если стукнуть кулаком по нагретому железному боку.

Ганс и Гретель жили в пристройке с отдельным входом, не платили за пансион — да и нечем им было. Помогали миссис Ройс — Ганс возил из порта припасы, покупал рыбу, пилил и колол дрова, Гретель работала в саду. Сегодня, кажется, был выходной, но Ганс точно не помнил. Дни были слишком похожи один на другой.

Кофе начал приподниматься темным куполом, когда дверь скрипнула и Гретель высунула встрепанную голову.

— А, почуяла запах?

— Да! Налей мне, сейчас приду! — через минуту она появилась, в наброшенном саронге, с коробкой самодельных сигар, примостилась у столика, с наслаждением закурила. Дым поднимался вертикально вверх.

— Что тебе сегодня снилось? — спросила она. — Интересное или страшное опять?

— Нет, не страшное совсем. Но странное, да.

— Расскажешь? Или там опять были посторонние девушки?

— Да ну тебя! Не было девушек. Но я жил в очень странном здании.

— Один, что ли?

— Да, один. Вернее, с соседом — у нас была у каждого комнатка, в половину нашей, и общий душ и туалет.

Гретель поморщилась, видимо, представив, как это — общий душ с неизвестным соседом.

— А что было у тебя в комнате?

— О, это я хорошо помню. Кровать, очень узкая. На одного человека. Даже тебя бы рядом не втиснуть.

— Перестань льстить, я же знаю, что я толстая.

— Совсем не толстая. Да, так вот. Еще был столик, вроде нашего, с лампой под зеленым абажуром. Два стула. И высокий шкаф, а в нем на полках стояли книги. Очень много книг!

— Сколько?

— Ну, меньше, конечно, чем в библиотеке в городе. Но думаю, штук двести было.

Она слушала недоверчиво, чуть наклонив голову.

— И все разные. Я помню, что на средней полке, куда легче всего дотянуться, стояли толстые потрепанные книги. Нужно было очень быстро их читать и запоминать. Это было тяжело, я нервничал.

— Почему? Кому нужно было запоминать? Зачем?

— Хм. — Ганс растерянно пощипал короткую светлую бороду. — Не помню, — признался он. — Сосед мой тоже сидел целыми днями и читал свои книги. Но это не самое удивительное.

— А что самое? — она отставила допитую чашку, подалась вперед, оперлась подбородком о ладонь.

— Самое было снаружи. Когда ты выходил из комнаты, то попадал в длинный коридор, с сотнями дверей. Надо было долго-долго идти по нему, потом ехать на лифте. Помнишь, я тебе рассказывал про лифт?

— Да помню, ты каждый раз спрашиваешь! Давай дальше!

— Потом опять идти по коридору, но уже очень красивому, в мраморе, с картинами по сторонам. И ты приходил... — он сделал паузу, принялся раскуривать сигару.

— Куда приходил? Что ты дразнишься! — она протянула руку и дернула его за ухо.

— Ну дай же раскурить! — он в шутку отбивался свободной рукой. — Приходил в магазин! Там можно было купить еды.

— И все это в коридоре?

— Да, в смысле — не выходя на улицу. А еще там были лифты, которые поднимали очень высоко. На самом верху можно было выйти и посмотреть в окно.

— А там что?

— Там было плохо видно, — признался он. — Высоко очень. Этажей, наверное, 20 или 30. Внизу был город, тянулся страшно далеко, а моря не было.

— Хорошо, так что ты там делал, во сне? Кроме того, что читал толстые книжки?

— Практически ничего. У меня было всего несколько дней, я подсчитывал иногда, успею ли все прочесть. Мы с соседом по очереди ходили в магазин за едой. Или просто покупали бутерброды, на двоих. Я с ним даже не успел толком поговорить, потому что он тоже спешил.

— Ну и зачем все это было нужно, ты хоть понял? — продолжала допытываться Гретель. Видно было, что она слегка раздражена такими нелепостями.

Ганс попытался еще раз растолковать железную логику сна.

— Надо было прочитать толстую книжку, запомнить ее и потом прийти и ответить на вопросы.

— Какие вопросы? Про что? Про то, что в книжке?

— Ну разумеется, иначе зачем ее читать?

— А зачем это нужно? Неужели нельзя посмотреть в книжке, если так уж приспичило? — недоумевала Гретель.

— Ну, может быть, это была редкая книга? Вообще одна такая?

— Пожалуй, да... Да, конечно. Прости, милый, я не сообразила, — и она снова повеселела.

Такие сны приходили к Гансу довольно часто. И всегда действие происходило в том же самом огромном, невообразимом городе — наверное, в тысячу раз больше, чем их Порт-Элизабет. Там стояли дома в десятки этажей, улицы были во много рядов в одну сторону, и ездили по ним по правой стороне, набиваясь в громадные автобусы. Иногда было так холодно, что приходилось надевать нелепую, тяжелую одежду. Ганс видел уже много разных мест в городе, и каким-то непостижимым образом они между собой связывались, состыковывались, комар носу не подточит. Самые нелепые вещи находили объяснение: например, маленькие книжечки с фотографией владельца и его именем. А как иначе быть, если народу столько, что запомнить всех невозможно? Или вот мороженная рыба. Сам-то Ганс готовить толком не умел, но Гретель объяснила ему, что на второй день рыба начинает портиться. А если до моря далеко, и за день не успеешь довезти, даже на машине?

Гретель тоже видела сны про большой город, но они довольно скоро выяснили, что города были разными, у Гретель поменьше. Зато в нем было две большие реки, и был он красивее. Впрочем, это трудно сказать — может, она просто была чувствительнее к красоте, и умела находить ее там, где другие скользили взглядом, не задерживаясь?

И что-то должно было случиться в гансовых снах, чего он ждал иногда, со страхом и одновременно нетерпением, но ни разу не дождался. Видимо, должно было — в холодный сезон, когда люди мрачнеют и становятся раздражительнее.

— Милый, ты не забыл, что мы сегодня идем нырять? — Ганс вздрогнул, вернулся в ясное утро. Да, и

правда — сегодня все-таки выходной! Он счастливо потянулся, щурясь на солнце, и отправился в комнату, собирать оборудование.

Сегодня Карл из дайвшопа не работал, так что они думали просто поплавать с маской в бухте, куда еще ни разу не добирались. Там, между прочим, была деревенька со странным названием Пти-Борделло, и Гретель уже язвила по этому поводу — «Может, один сходишь, что я тебе буду мешать?» Ганса подмывало сказать — а и правда, оставайся, — но уж очень было страшно ее обидеть.

Он сложил в сетку ласты, маски, трубки, плавки и купальник, в рюкзак запихнул флягу с водой, положил в карман нож, сигареты и спички, проверил часы. Вроде все. Подумал — брать ли бутерброды или сейчас перекусить? Но так ничего и не придумал, взял с тумбочки пару яблок, бросил на дно рюкзака. В конце концов, что-нибудь там поймаем.

Миссис Ройс сидела в качалке под хлебным деревом — почему-то она совсем не боялась тяжелых плодов, которые иногда падали и разбивались о землю с глухим треском. Гретель жарила их с луком, и они тогда устраивали семейный ужин — почти что жареная картошечка, свежепосоленная рыба, пара рюмок местного рома. Миссис Ройс принимала приглашение, ела немного и с достоинством, потом рассказывала что-нибудь из истории семьи.

Была она мулаткой, но на острове почти никого белее и не было, мулаты представляли местную аристократию. Ройсы происходили из массачусетских, точнее, нантакетских китобоев, которые в начале XX века откочевали в эти благословенные края, повыбивши всех китов на Джорджес-банке. Дед миссис Ройс обосновался в Порт-Элизабет, отец женился на местной

красавице и ходил отсюда в море до старости, а сама она вдовела который год и даже вернула девичью фамилию — не доживать же век никому неизвестной миссис Грин.

Ганс, когда увидел ее в первый раз, вдруг вспомнил бабушку своего школьного друга. Он приехали к ним на море с отцом, хозяйка так же величественно держалась, осмотрела их и молча проводила в комнату под крышей. Когда друга его звали обедать, Ганса усаживали за стол без разговоров — «дети должны есть суп». А когда уезжали, отец протянул деньги за месяц. Бабушка отделила половину и протянула обратно. Отец удивился: «А в чем дело?» «Мальчик здесь в гостях», — проговорила она царским тоном, повернулась и вышла, не слушая возражений.

Ганс потряс головой, в который уже раз. Он никак не мог понять — почему он помнит какие-то давние истории так ясно, а что-то, что явно было позже, совсем вылетело из памяти. Он подозревал, что и город из его снов ему знаком, но имя ускользало, и что он там делал, когда, зачем — не вспоминалось. Да он, честно говоря, не очень и беспокоился: ему было чем заняться.

Гретель вернулась из сада с корзинкой инжира, отобрала несколько штук, сунула ему в рюкзак, остальные поставила у заднего крыльца, в тени.

— Миссис Ройс, я собрала инжир, очень спелый! Мы побежали! — крикнула она через плечо и полетела, тонкая и длинноногая, вверх по тропинке. Ганс вздохнул — он никогда не мог так легко скакать по горам. «Надо бросать курить, что ли», — привычно подумал он, потом так же привычно вспомнил, что и Гретель курит, махнул мысленно рукой и отправился следом.

В этот раз, однако, и Гретель в конце концов притомилась. Солнце было уже высоко, а они не дошли еще до перевала. А ведь этот кусок был покорооче — их дом стоял высоко, а идти нужно было на другую сторону острова и спускаться к самому морю. К тому же они шли по обочине дороги, а вниз вела тропа, неизвестно еще в каком состоянии.

Поднявшись на перевал, они присели в тени, глотнули воды, и Ганс спросил:

— Ну что, не передумала?

— А ты сам не устал? Тебе еще завтра идти за баллонами.

— Так это завтра! — и они тронулись вниз. Тропа была не так плоха — сухая, хоть и каменистая, большей частью затененная. Ганс старался не думать про обратную дорогу, хотя в голове вертелась странная фраза: «Какой длины ни задай полет — обратный кажется, что длиннее». Разговаривали мало, следили за дорогой, и постепенно тропа выровнялась, пошла по ровному месту, а вскоре впереди показался просвет и полыхнул океан.

Деревня стояла чуть в стороне, а на берегу сидели у костерка несколько голых по пояс негров, жарили рыбу на решетке. «Ганс, — попросила Гретель жалобно, — давай купим у них рыбы!» Мелочь еще оставалась, и они направились к костру.

Рыба была очень мелкая и какая-то непривычная — вроде рыбы-иглы. Но пахла соблазнительно. Самый страшный на вид негр снял решетку с огня и завопил, когда Гретель попыталась взять рыбину: «Не отсюда! Бери из кастрюли, там с соусом!»

И правда, новые порции ссыпали в большую кастрюлю без ручек, примостившуюся между камней, и поливали местным перечным соусом. Было необыкновенно вкусно, Ганс и Гретель еле оторвались, а негры

уже, видимо, не могли проглотить ни кусочка и валялись вокруг, попыхивая сигарками. Один любовно сворачивал косяк, другой отговаривал его: «Рано еще, погожди до полудня хотя бы».

Ганс протянул главному мелочь, тот недоуменно воззрился на него. Потом расхохотался:

— Это за рыбу, что ли?

— Ну да.

— Так ее тут полное море.

— Ну ты же старался, готовил, — убеждал его Ганс.

— Ну а если я бы к тебе пришел, а ты жарил рыбу, неужели ты бы меня не угостил? — полюбопытствовал негр.

Ганс рассмеялся, развел руками — согласен. Угостил рыбаков сигаретами, и они с Гретель отправились в дальний конец пляжа, где громоздились в море камни и, по слухам, была всякая красивая живность.

Пляж зарос какими-то неухоженными кокосовыми пальмами, сухие орехи лежали где кучами, где порознь, а несколько пустили корни, уцепились за песок и уже дали зеленые ростки. Ганс бросил рюкзак в символической тени, проверил, не висит ли над головой кокос, переоделся. Гретель опять его опередила и пританцовывала на горячем песке, с маской на шее, а ласты надела на руки и собиралась дать ему шлепка по голому заду, когда он будет переодеваться в плавки, но Ганс почувствовал опасность и вовремя отскочил. Правда, ноги были стреножены шортами, так что он упал в песок, и они долго хохотали. Наконец все же добрались до моря, ополоснули маски и поплыли к скалам, которые начались совсем недалеко от кромки воды.

Ганс больше всего любил этот момент — когда возвращаешься в море, погружаешься и плывешь над самым

дном, через медленно колеблющиеся водоросли, и совсем не хочется всплывать за воздух. Собственно, поэтому акваланг он любил больше всего, но и просто в маске он испытывал странное ощущение — как будто вернулся домой. Опять слышался ему голос, произносящий непонятное: «Таласса, таласса!» Он помнил, что так называется море, но на каком языке, и почему в голосе звучало такое счастье — этого он даже не пытался вспомнить.

Гретель любила море не меньше, чем Ганс, а может, и больше, но объяснить, почему, не умела — или не хотела. Она могла плавать часами, и кожа от морской воды у нее становилась особенно нежной, как у дельфина; вот только потом вечером она мгновенно засыпала, и даже на любовь сил иногда не хватало.

Скалы оказались и правда интересными — кораллы здесь не жили, зато были в изобилии анемоны и звезды, а местами куртины красных, бурых и зеленых водорослей. Всего этого на рифах не было, и Ганс пытался вспомнить названия животных и растений. Он точно знал, что мог бы рассказать про них очень много, и ему все казалось, что достаточно одного имени — и прорвется плотина. Уж не про них ли он читал в книге в сегодняшнем сне? Нет, там было о чем-то другом, много формул — и он отвлекся на пятнистую черно-белую мурену.

Гретель не могла оторваться от анемонов. Она вообще-то их очень любила, но на другой стороне острова их было немного, и не таких красивых. Как-то она сказала Гансу: «Они такие нежные, что боязно, и сердце разрывается», а потом сама смутилась и покраснела. Сегодня она нашла один редкой оранжевой, полыхающей окраски, и все пыталась погладить его, а анемон

мгновенно схлопывал щупальца. Гретель обижалась, но ненадолго, и снова повисала в воде над капризным цветком, ждала, когда он опять раскроется.

Они уже возвращались, когда вдруг вспыхнуло в голове, и он даже хлебнул ненароком воды: да ведь не впервые он был во сне в этой комнате! И в прошлый раз он читал о водорослях. Фукус везикулёзус — вот как называется эта водоросль, с пузырьками, которые так смешно лопаются под пальцами! Ганс доплыл до берега, содрал ласты и нетерпеливо ждал Гретель, бормоча под нос странное название. Может, у нее есть карандаш и листок бумаги?

Гретель восприняла все очень серьезно. Сходила к пальме, принесла карандаш и блокнот и вручила ему («Руки только вытри сначала, а?»)

— Слушай, — поразился Ганс, — откуда это все у тебя?

— Из рюкзака, милый. Ты бы иногда интересовался, что там лежит. А то в следующий раз положу тебе пару кирпичей!

Ганс начал писать по-русски, но зачеркнул. Почему-то ему показалось, что писать надо английскими буквами, причем не по-английски, он бы никогда не написал таких слов без ошибок, а вот просто — «как слышится, так и пишется». Он написал: «Fucus vesiculosus», некоторое время смотрел на написанное, проверяя — не выглядит ли неверным, а потом зачем-то добавил букву «L» и точку. Теперь было в самый раз.

Гретель смотрела, хмурясь, потом что-то решила и сказала: «Идем домой? Сегодня надо тебе поработать», — но видно было, что какую-то мысль она продолжает думать и даже немного тревожится. Ганс решил не тормозить ее — сама расскажет, когда время придет.

Обратная дорога была тяжелее. Они миновали знакомых негров, которые зашли уже по пояс в воду и не спеша тянули частую сетку, невод, а вода внутри вскипала от тех же мелких рыбешек. Углубились в пальмовую рощу, спугнули игуану невероятного зеленого цвета, срезали кокос и напились чуть мыльного сока. Передохнув, направились вверх по тропе. Против ожидания, они довольно быстро поднялись до дороги, но тут уже Гретель скуксилась, стала ворчать на жару, и зачем они пошли в такую даль. Хорошо, попался попутный пикап со знакомым водителем, Ганс сел в кузове на пол, откинулся на мешок с рисом. Гретель свернулась клубком, положила голову ему на колени, даже, кажется, уснула, а он смотрел на убегающую дорогу и размышлял.

Что-то сильно смущало его в их нынешней жизни. Он был счастлив, сердце мгновенно теплело и таяло, когда он думал о Гретель, а уж тем более, когда она была рядом — вот как сейчас. Ничто вообще его не беспокоило — ни болезни, ни тревожные мысли, ни нужда, ни обязательства. Он немного и с удовольствием работал физически, а по вечерам, после шести, когда солнце садилось в бухте, писал забавную и бесконечную историю — о какой-то нездешней жизни. Он толком даже не мог понять, что его подталкивает писать о незнакомых ему, скорее всего вымышленных людях, но ему нравилось смотреть, как сталкиваются их характеры, как герои думают, обманывают друг друга и выручают из беды, страдают от невыполнимых желаний. Гретель раз в три дня перечитывала то, что он написал, разбирала самым жестоким образом — она была, когда надо, насмешлива и остра на язык, — а изредка хвалила и говорила: «Вот это — настоящее». Он не знал, чем закончится его

история, и больше того — что сделают его герои в следующий момент, но это его не очень даже и беспокоило.

И вот недавно он понял то, что, казалось, было очевидно, но не приходило ему в голову много месяцев. Он неплохо знал человеческие характеры. Он знал несколько городов и стран, то есть представлял себе не только памятники и достопримечательности, но и каждодневную людскую жизнь, звуки улицы, и запахи, и погоду, и настроение, например, в Сиэттле или Монако. Он только не знал — откуда он это знает. А главное — ничего не знал о себе самом, кроме обрывков детских воспоминаний, и это его не побеспокоило ни разу за время жизни в саду у миссис Ройс.

Пикап остановился на перекрестке под названием «Четыре угла», они соскочили на обочину, помахали водителю и направились по тропинке вниз, к пансионату. Гретель ожила и строила планы — как они сейчас насыпят в вино побольше льда и будут с террасы смотреть на закат, а потом она нажарит китайской еды со свежими травами, которые они набрали три дня назад на соседнем холме, но в деле еще не пробовали.

Все так и получилось, по плану. Они сидели на террасе, смотрели, как солнце стремительно погружается в океан; как загораются огоньки на яхтах; слушали обрывки мелодий, когда бриз доносил их с набережной. Играли, видимо, в ресторанчике «Китовый позвоночник» — слышно было и рояль, и саксофон, когда мелодия взлетала вверх.

Потом Гретель творила свою китайскую фантазию в сковородке-воке. Уже стемнело, искры летели в небо, блюдо пугающе скворчало и трещало. Потом они ели двумя вилками прямо из сковородки, столкнулись пару раз лбами, опять смеялись и дурачились.

А еще чуть позже Ганс включил лампу над столом, достал тетрадку и уселся за стол. Перечитал последний кусок, чтобы вспомнить звуки и запахи — но сегодня рабочее настроение не накатывало, как это было вчера или позавчера — да в любой день, если подумать.

— Гретель, — спросил он, развернувшись на табуретке, — ты помнишь, как мы с тобой познакомились?

— Конечно, — она пошевелила губами, считая петли, и оторвалась от вязания. — Ты сам разве не помнишь?

— Вот и расскажи, что именно ты помнишь. Мне надо.

— Для книги?

— Нет, просто так. Хочется понять — одинаково мы помним или нет.

— Хорошо. Я сидела и нюхала цветок. Потом подняла голову и увидела тебя.

— Где это было?

— В саду, у причала слева. У старой миссис Хоббс. Я сидела на берегу прудика.

У миссис Хоббс, действительно, был единственный на острове небольшой пруд, и вода в нем была даже в сухой сезон, правда, солоноватая. Миссис Хоббс была тогда уже очень стара, и служанка вывозила ее в кресле на лужайку перед домом утром и вечером, на час, не больше, пока не слишком жарко. Она разрешала — правда, только хорошим знакомым — заходить в ее сад, сидеть в настоящей тени, под платаном, и любоваться цветами.

— Хорошо. А где я сидел? И что делал?

— Знаешь, — Гретель оживилась, — ты ведь сидел совсем рядом и тоже держал в руке цветок.

— Какой?

— Я не помню названия. Помню вот что: он рос в воде, на длинном стебле, и я его не срывала, а просто

наклонила к себе. И ты тоже, — предупредила она его следующий вопрос.

— Так, а что случилось дальше?

— Ты спросил меня, причем так странно: «Кто ты?»

— И что ты ответила?

— Ничего, пожала плечами.

— Почему?

— Ну... не знаю. Как можно ответить на такой вопрос?

— Например, можно назвать имя. Или профессию? — предложил Ганс.

— Я не знала, что именно сказать.

— Хорошо, оставим этот вопрос пока. А дальше?

Гретель вздохнула, сложила вязание в корзинку, пересела на пол, поближе к Гансу, обняла колени руками и посмотрела на него внимательно.

— Почему ты вдруг так подробно спрашиваешь?

Очень не хотелось портить ей настроение, и он даже на секунду подумал — соврать? отшутиться?

— Понимаешь, мне вдруг показалось странным, что мы ничего не помним про себя самих.

Гретель нахмурилась. Видно было, что эта мысль ей еще незнакома, и она примеряет ее.

— Я не думала об этом. Но ведь вспоминаешь, когда тебе плохо, или грустно, или скучно. А нам хорошо, правда же?

— Правда, — сказал Ганс совершенно честно. — Но давай все-таки попробуем вспомнить. Что было дальше-то?

— Ну, мы уже вроде познакомились, хотя не представились. Ты мне сразу понравился, тебя хотелось причесать и покормить. А дальше ты взял меня за руку, помог встать, и мы пошли по дорожке к дому. Там сидела миссис Хоббс, и она сказала: «А, Ганс и Гретель»

идут к пряничному домику». Так я узнала, что тебя зовут Ганс.

— Ага, а я узнал, что тебя зовут Гретель?

— Да.

— Так вот, я это тоже помню. И я теперь понимаю еще кое-что.

— Что?

— А то, что я узнал, что меня зовут Ганс, тоже от нее. А ты — что тебя зовут Гретель.

Она долго молчала, и видно было, что она сейчас не здесь, а в том самом садике. Наконец вернулась и тряхнула рыжей головой.

— Может, ты и прав. Но я никогда не задумывалась над этим, если честно. А откуда она знала, как нас зовут?

Ганс поколебался — стоит ли рассказывать дальше, или подумать еще самому, и решил — надо уже выложить все сомнения. С кем еще ему было поделиться?

— Вчера я был в библиотеке, менял книжки. И попала мне в руки вот такая, — он вытащил из стопки на столе нижнюю, большую и потрепанную, в когда-то ярком переплете. На обложке еще можно было различить смешного человечка, в полосатом колпаке и с длинной бородой. Борода застряла, видимо, в расщелине бревна, и человек пытался вырваться.

Ганс пролистал первые несколько страниц, потом развернул книжку и молча ткнул пальцем в заголовок — под картинкой, где мальчик и девочка шли, взявшись за руки, по тропинке среди толстых узловатых деревьев.

«Ганс и Гретель» — прочитала Гретель вслух.

— Про что это, милый?

— Там мальчик и девочка заблудились в лесу и попали к ведьме. Она хотела их съесть, но они убежали. Да неважно! Посмотри на картинку, видишь, как они идут?

— Вижу. Мы тоже так везде ходим, — и она углубилась в книжку.

— Ну вот. Ты понимаешь теперь? — спросил Ганс, когда Гретель наконец подняла голову. — Она назвала нас так, потому что вспомнила эту сказку. Посмотри вокруг, на острове и имен-то таких ни у кого нет!

— Жалко, мы не успели ее спросить. Как ты думаешь, а она была ведьмой?

— Я не знаю. Вряд ли — разве ведьмы бывают?

— Я тоже не знаю, но ты помнишь, что она предлагала нам поселиться у нее? — Гретель вскочила и подбежала к нему, обняла за плечи. — Бедный мой! Она посадила бы тебя в хлев и откармливала к Рождеству! — тут они оба, наконец, засмеялись.

— Погоди, милая. Давай все-таки вспомним — а что было потом?

— Она угостила нас чаем с пряниками, очень свежими, потом предлагала пожить у нее, а когда мы отказались, дала записку к мисс Джонсон, а та послала нас к миссис Ройс. Мы пошли по Фронт-стрит, потом повернули вверх и добрались досюда. Ты нес рюкзак и сумку и один раз попросил передохнуть. Мне тебя было так жалко!

— А что несла ты?

— Свой рюкзак.

— Прекрасно, — Ганс задумался. Какая-то мысль не могла сконденсироваться у него в голове, и он ее пока отложил. — Пойдем покурим на террасу!

Было уже совсем темно, и даже в порту внизу почти не осталось света — только дрожали красные и зеленые корабельные огни. Цикады то вдруг разом замолкали, то опять начинали свою песню. Нагретая земля в саду пахла кукурузой и сухостью. Гретель прижалась к его плечу, потом долго щелкала зажигалкой, наконец закурила и отодвинулась, остался один огонек.

Ганс пытался найти границу между морем и небом, ну хотя бы между небом и склоном горы, но так и не нашел — разве что по звездам, которые вдруг исчезали в нижней части горизонта.

— Подожди-ка! — вдруг сказала Гретель растерянно из темноты. — Я сразу не поняла одну вещь. Ведь если она назвала нас так просто из-за сказки, значит, на самом деле нас зовут не так?

— Ну... скажем — не обязательно так, — уточнил Ганс. — Но скорее всего, да. По-другому как-то.

— А почему мы не помним этого? Что случилось, в конце концов?

— Пойдем в комнату, будем думать дальше, — предложил Ганс, поднимаясь. Протянул руку в темноте, наткнулся на плечо Гретель, она судорожно вцепилась в его ладонь, и они вдвоем вернулись в комнату. Зажгли свет, нашарив выключатель на стене, потом маленький свет у кровати, потом погасили большой и легли, не раздеваясь — она уткнулась носом ему в плечо. Они часто валялись так после занятий любовью и болтали ни о чем, «мурчались», как выражалась Гретель. Сегодня она прижималась к нему тревожно, как будто искала защиты.

— Вот ты начал сегодня этот разговор, — сказала наконец Гретель, — и все как будто треснуло и накренилось.

— Прости, — он чувствовал себя виноватым, уже давно. — Я не хотел, но мне надо было с кем-то поделиться.

— Да, конечно, — она потерлась о его плечо щекой. — Но мы все пойдем, и снова все будет хорошо. Да?

— Обязательно. Я тебе обещаю. Ничего же плохого пока не случилось?

Гретель помолчала и подняла лицо.

— Я тебе еще одну вещь скажу. Мне кажется, что это все не просто так.

— Эти пчелы не просто так, — пробормотал он.

— Какие пчелы?

— Не знаю, — признался Ганс после паузы. — Это я тоже забыл. Но я знаю точно, что пчелы — это не просто так!

Они облегченно расхохотались, и Гретель пружинной вскочила, зажгла большой свет и стала крутить что-то вроде фуэте, пока не зацепилась краем юбки за кресло и не обрушила его с грохотом. Раздался еще и подозрительный треск, Гретель извернула шею и с придуренным воплем ухватилась за бедро. Поздно: юбка треснула, даже не по шву, а поперек.

— Ну и ладно, — постановила Гретель, оценив урон. — У меня полный гардероб, а когда все кончится — мы еще что-нибудь придумаем.

Тут уже Ганс вскочил с кровати. Мысль поймалась.

— Достань-ка свой рюкзак, — потребовал он нетерпеливо.

— Зачем?

— Доставай, сейчас объясню!

Гретель покорно-комично вздохнула, полезла в чулан. Долгое время оттуда виднелась только ее нижняя половина, уже без пострадавшей юбки — она еще и хулиганила, делала сомнительные движения, но Ганс на провокацию не поддавался, так что она через некоторое время разочарованно вылезла, с запыленным рюкзаком, и плюхнула его посреди комнаты: «Вот!»

Ганс осмотрел емкость, повертел в руках, раскрыл, и, по всей видимости, остался доволен. Гретель смотрела с любопытством, но выдерживала характер, вопросов не задавала.

— А теперь трудное задание, милая. Могу даже сначала предложить тебе рюмку коньяку.

— Желая непременно рюмку коньяку! — важно заявила Гретель и села в кресло, закинув ногу за ногу. Вообще-то это была игра — главным любителем вечерней рюмочки был Ганс, но Гретель великодушно позволяла перекладывать ответственность на нее. Обычно она свою рюмку не одолевала, оставляла Гансу половину, и он, поворчав «наливаешь, а выпить не можешь» (хотя наливал-то сам), допивал за ней.

— Так вот, — сообщил Ганс, сделав добрый глоток и дождавшись волшебного тепла, — сейчас мы будем проводить эксперимент. Цели я тебе не сообщаю, чтобы не влиять на тебя.

— Хорошо, — кротко согласилась Гретель.

— Пожалуйста, достань из шкафа всю свою одежду и сложи стопкой.

— Это правда нужно?

— Да, правда.

Гретель вздохнула и направилась к шкафу. Одежды было немного: две юбки, белое платье, зеленое платье, пара шорт, джинсы, светлые брюки, несколько блузок, легкая куртка и главное сокровище — зеленая шляпка, подаренная миссис Ройс.

— Шляпку положи обратно. Теперь сложи рядом белье.

— Ты что, решил меня выгнать? — испуганно спросила Гретель.

— О Господи, ты что! — Ганс вскочил, обнял ее и прижал к груди. Что-то хрустнуло, Гретель ойкнула и вывернулась, но выражение на лице было довольное.

— Ладно, ладно. Сейчас сложи, — и она сложила двумя аккуратными стопками несколько выгоревших футболок и всякие женские мелочи.

— А теперь упакуй это все в рюкзак, — продолжал Ганс, оглядев сложенное.

— Точно, решил выгнать, — констатировала Гретель, закинув в рюкзак белье. — Слушай, помнется же! Я вчера гладила платье!

— Я сам завтра поглажу, если помнется, — пообещал Ганс. Он уже прикончил свою рюмку и с интересом поглядывал на ту, что Гретель беспечно оставила на столе.

— Врушка, — печально отвечала Гретель. — Ганс, ну все! Платье и юбка уже не входят!

— А если постараться?

— Если постараться, могу впихнуть. А юбку в клапан. Надо, да?

— Пожалуй, нет. Ты будешь допивать?

— А вот если я скажу, что буду, что ты сделаешь?

— Не знаю даже, — признался Ганс, но, видимо, он выглядел таким растерянным, что Гретель почесала его за ухом и отдала свою рюмку, уверяя, что ей хватит.

— А теперь рассказывай скорей, зачем это все!

Ганс помедлил, повертел рюкзак в руках — набит плотно, до отказа. Положил обратно, вздохнул и сел во второе кресло.

— У тебя есть обувь? — задал он риторический вопрос.

— Ты же знаешь — кроссовки, сандалии и дивные туфельки-балетки!

— Знаю, да. А еще у тебя есть ласты, маска, трубка и гидрокостюм, правда?

— Правда! — Гретель понравилась новая игра. — А еще у меня есть куча умывальных принадлежностей, две щетки для волос, ожерелье, три пары сережек, записная книжка для рецептов и старинная перьевая ручка. Да, еще часы! Вот, все вроде бы.

— Часы мы купили здесь, правда?

— Правда. Я никогда не знала, сколько времени, и ты пошел в порт, целый день разгружал лед, тебе заплатили

зарплату и ты купил мне вот эти часы, водонепроницаемые до 160 футов! — Гретель ужасно обрадовалась воспоминанию, сидела на столе и болтала ногами.

— Погоди, я не про то. Остальное ведь все у тебя было?

— Было, а как же.

— А где все это лежало? Посмотри, твой рюкзак забит полностью.

Гретель растерялась, но только на секунду.

— В сумке, разумеется. У нас огромная сумка.

— Одна.

— Да, одна, — и тут до нее начало доходить.

— Ганс, а твои вещи влезут в твой рюкзак?

— Посмотри, он совсем маленький. И у меня еще пара здоровенных башмаков, бинокль в футляре, фляга, два ножа, вьючные ремни, револьвер, компас...

— Да, понимаю. Значит, у нас была одна сумка на двоих.

— Получается, что так. Как ни комбинируй.

Они замолчали, потом Гретель решительно встала, откупорила бутылку и сама плеснула в обе рюмки. Одну протянула Гансу.

— Теперь давай думать всерьез. Давай-ка я запишу все, что мы пока узнали, — и достала свою драгоценную записную книжку из ящика стола.

Ганс не узнавал ее — и любовался ей как-то по-новому. Это была не его легкомысленная и доверчивая Гретель, а какая-то другая женщина, с жесткой пружиной внутри. И это было очень кстати сейчас.

Гретель сосредоточенно писала что-то, хмурилась, наконец отложила ручку.

— Вот, смотри, что у меня получилось. Мы не помним, где мы были раньше. Мы помним немножко из детства и юности.

— Да, я помню что-то. Но это было очень давно, — подтвердил Ганс.

— Мы познакомились с тобой в саду у миссис Хоббс.

— Да, но... ты же видела сама...

Гретель кивнула энергично.

— У нас была общая сумка с вещами. Значит, мы были знакомы раньше.

— А может быть, просто у меня в сумке были вещи, которые тебе подошли?

— Ну да, ласты, гидрокостюм, кроссовки, туфельки — и все моего размера. И еще очки с моими диоптриями.

Ганс вспомнил, что у Гретель близорукость, минус один на правый глаз и минус одна вторая на левый, и что очки у нее есть, но она их никогда не носит.

— Да, хорошо. Я, собственно, хочу исключить всякую случайность. Значит, получается, что мы были знакомы раньше?

— И даже ехали куда-то вместе, — подтвердила Гретель. — Я запишу это?

— Уже, наверное, можно. А скажи: мы до этого жили на острове?

— Похоже, что нет, — промолвила Гретель после паузы. — Во-первых, у нас не было никакого жилья.

— Может, было, но мы уехали оттуда?

— Вряд ли. Вспомни — мы познакомились со всеми заново, и никто не сказал нам: «Привет, как дела, что-то вас давно не было».

Ганс подумал — да, ведь они знают всех жителей Порт-Элизабет, и со всеми познакомились, он хорошо помнит это. — Ладно, ты меня почти убедила.

— И вот еще что! — воскликнула Гретель. — У меня от здешней воды волосы посветлели, за две недели. Сразу после того, как мы поселились у миссис Ройс.

— Посветлели? — поразился Ганс, глядя на нее.

— Ох, милый, — Гретель порывисто обняла его. — Ну как можно быть таким невнимательным? Все вы, мужчины... — она слегка запнулась и замолчала, и на секунду как будто посмотрела внутрь себя, но сразу вернулась. — В общем, поверь мне, они посветтели и с тех пор такими и остаются, — и повертела у него перед носом растрепанным хвостом.

— Тогда получается, что мы только что приехали. И с причала прошли в садик, это совсем рядом, — рассуждал Ганс. — Там мы еще что-то делали, потом сели у пруда, понюхали цветы, а потом заговорили... — он неожиданно замолчал.

— Ганс!.. Ганс, что с тобой?

Ганс вздрогнул виновато, провел рукой по лицу, как будто снимая паутину.

— Очень странная вещь. Когда ты договорила, у меня в голове вдруг как будто кто-то засмеялся и сказал несколько слов.

— Кто? — подозрительно поинтересовалась Гретель.

— Очень знакомый голос. Я пытаюсь вспомнить. Погоди, не перебивай... сейчас... да! Конечно!

— И кто это?

— Тот же голос, который говорил: «О, таласса!» И говорил опять непонятное.

— Ты не разобрал ни одного слова?

— Я их все разобрал, — объяснил Ганс терпеливо. — Но они на языке, которого я не знаю.

— Хорошо, но ты их запомнил?

Он виновато помотал головой. — Хотя, погоди. Одно слово было два раза: «лотойо».

— Что это значит?

— Я не знаю, но он как будто сделал на нем ударение. Голос этот. И опять засмеялся.

Гретель задумалась на минуту, взяла записную книжку и снова стала писать что-то, прикусывая нижнюю губу. Наконец дописала и вздохнула с облегчением:

— Ну вот, слушай. Второе, что тебя беспокоит — это твои сны. Они очень подробные, и ты думаешь, что это не сны, а воспоминания о той жизни, которую ты забыл. Так?

— Так, — подтвердил Ганс.

— Еще вот эти голоса и слова, которые тебе приходят в голову.

— Да.

— Смотри, я записала три слова: таласса, лотойо и *Fucus vesiculosus* L. Правильно?

Ганс проверил придирчиво — да, все было записано точно.

— Так вот, милый. Завтра мы пойдем в библиотеку, и мисс Джонсон нам скажет, что они означают. А если она не знает — будем искать в книжках. И мы все найдем, обязательно! И отгадку найдем.

— Обещаешь? — Ганс с трудом сдерживал улыбку. Все-таки она была смешная, когда вот так утешала его.

— Да, обещаю! — торжественно ответила Гретель. — А теперь пойдем спать, а? Пожалуйста!

А потом, совсем потом, когда уже засыпали, он опять обнимал ее рукой во сне, как будто боялся, что она убежит — обернется кошкой, к примеру, или ведьмой. Конечно, ведьму разве остановишь, но все-таки лучше придержать. Гретель смеялась над ним, но не отодвигалась, и даже просыпалась, если вдруг не чувствовала этой нежной тяжести.

А на следующее утро все было уже как обычно, и Ганс открыл глаза от запаха гренков и кофе. Оказалось, правда, что в последние полчаса он пытался спрятаться под простыней, уверял, что ночью совсем не спал, и уже два раза обещал встать через пять минут. Пришлось признать поражение и выползти на террасу к

завтраку — все равно же придется вставать, а гренки лучше есть горячими.

Болтали о том о сем — не пришла ли какая новая яхта, пока они ходили на тот берег, стоит ли пойти с Карлом на глубокое погружение и куда именно, как поживает агава на альпийской горке (новое увлечение Гретель) — и, наконец, Гретель напомнила ему про вчерашнее.

— Ты не забыл, что мы идем в библиотеку?

— Нет, не забыл, — Ганс отвечал уверенно, но внутри все-таки сжалось. Он попытался проанализировать себя — отчего бы? Ведь там им всего лишь ответят на несколько простых вопросов. И стесняться, вроде, нечего — они не требуют никаких особенных усилий от библиотекаря, не идут просить денег или работы. Злых собак или белых акул там тоже не держат...

Он размышлял, жуя последнюю гренку, и нашел-таки ответ, который ему совсем не понравился.

— О чем ты задумался? — Гретель вывела его из оцепенения. Ганс колебался недолго — решил промолчать, пока все хоть сколько-нибудь не прояснится. Он ответил, впрочем, не кривя душой:

— Слушай, а ведь у нас тут очень хорошо?

Гретель не могла себе и представить лучшего места, чем этот флигель. В спальне все было просто и удобно, окна открывались на три стороны, так что бриз продувал ее в самые жаркие ночи. Огромная мраморная терраса сбегала лесенкой в сад, просторный и светлый, как раз как она любила, а в гостиной можно было сидеть в непогоду. До порта вниз идти было минут десять, не больше, но шум города и запахи базара не досаждали им — только ветер в кронах, иногда кукареканье, и далекий прибой в шторм, вот и все, что они слышали. Если обогнуть дом и пойти вверх, ты выходил к перекрестку двух дорог, которые только и имелись на

острове, и, подождав минут десять, всегда можно было поймать попутку. А если хотелось пройтись — до самого отдаленного места было не больше двух часов ходу.

В саду росли, казалось, все местные виды плодовых деревьев, по одному дереву, и каждый месяц Гретель до оскомины наедалась каким-нибудь новым фруктом. Последним увлечением была жабутикаба: Гретель так и не поняла, на что это похоже, и каждое утро говорила: «Пойду-ка я попробую ее еще раз, вдруг пойму? — а Ганс отвечал ей, серьезно: «Да, конечно. Это твой долг, иди, мучайся!» Тень от громадного баньяна прикрывала флигель после полудня, в самые жаркие часы, но вся бухта была открыта взгляду.

Все, с кем они успели подружиться, жили тоже не подалеку — и Майкл, возивший туристов на яхте, и пара художников, Джон и Саманта, один только Карл жил недалеко от берега в своем дайв-шопе, на втором этаже. Они иногда приходили к нему в шторм, пили на балконе дайкири и смотрели на прибой, ужасаясь и радуясь. Пару раз в прошлые годы, рассказывал Карл, ураган обрывал ему ставни, лущил черепицу с крыши, волны заливали первый этаж, но тут уж такое дело — от урагана никуда не спрячешься, нет такого места на острове.

— Да, — сказала наконец Гретель. — Но увы, надо идти в город. Давай собираться?

Собственно, и собирать было особо нечего — рассовали по карманам кошелек, нож, блокнот и ручку, опустили жалюзи на окнах от дневной жары, прикрыли дверь, чтобы собаки не заходили, и спустились с террасы в сад. Тропинка вывела на дорогу вниз, к порту. Миновали школу, закрытую на каникулы, футбольное поле — там трое мальчишек перекидывались мячиком, ждали, наверное, когда еще хоть кто-нибудь подойдет.

Дальше справа стояла церковь, небольшая, деревянная, внутри трое негров разучивали гимн, Ганс и Гретель немножко послушали и с сожалением двинулись дальше. Прошли мимо любимой финиковой пальмы — их было совсем немного на острове, все больше кокосовые, а финиковые посадил один из приехавших в середине прошлого века французов, беглецов из Алжира. Посадил не только у себя, но и вдоль дорог, так что дети рвали финики, иногда не дожидаясь даже, когда они созреют. Пальма росла ровно на полдороге к морю, дальше все было полого, прямо и жарко — ни одного деревца, вокруг только редкие сухие кусты, где бродили местные безрогие козы.

Они проходили этот кусок побыстрее, а там уже начинался город — Бэк-стрит, где располагались парикмахерская, автомастерская, отделение полиции и всякие мелкие лавочки, работавшие крайне нерегулярно, то с утра, то под вечер. Короткие переулки соединяли ее с параллельной Фронт-стрит — набережной. На Фронт-стрит протекала основная жизнь — тут тебе и бары, и ресторанчики, и несколько магазинов, и почему-то городская библиотека. Если пройти вправо, приходил к причалам, а влево — к круглой площади, которой Фронт-стрит и заканчивалась. Там, на брусчатке, располагались торговцы сувенирами, а по вечерам играли музыканты, народ танцевал, туристы пили скверные коктейли в баре у Бена, под соломенным навесом, и договаривались с местными девушками о любви, правда, вяло: девушки были не ахти.

Дальше, за площадью, дорога поднималась вверх и шла над берегом, а между дорогой и морем стояли на склоне несколько крохотных пансионатов, каждый с ресторанчиком на веранде над берегом. Сверху были парадные въезды, но можно было пройти в любой ресторан по дорожке вдоль моря. Ганс и Гретель иногда

заходили выпить по коктейлю, когда вдруг заводились лишние деньги. Впрочем, у них все деньги были лишними — на что их тратить? Вино и табак, иногда какой-нибудь деликатес в лавочке у Джузеппе Больцоне. Больше всего они любили «Маленький сад» — там бармен Фил смешивал что-то свое, чрезвычайно тропическое. Конечно, как он это понимал — то есть с разными фруктами, крошеным льдом, необыкновенными ароматами, и алкоголя добавлять не забывал, в отличие от своих коллег, так что не приходилось сразу заказывать еще. И смешивал он на двоих здоровенный, тяжелый шейкер, в котором оставалась минимум одна порция. Гретель даже не отдавала ее Гансу, а следила придиристо, чтобы он честно разливал пополам. Играл там пианист, местный немолодой негр Чарли, обыкновенно слегка подвыпивший, и играл совершенно без программы, бесконечные джазовые импровизации, а иногда под настроение сальсу. Тогда Гретель танцевала, ее наперебой приглашали, потому что Ганс танцором был никудышным. Гретель в шутку беспокоилась — не ревнует ли он ее. Честно говоря, она была настолько не кокетлива, что с ней редко заигрывали, да она и не расстраивалась.

Но сейчас им было нужно направо, к библиотеке. Прошли мимо «Неряхи Джо». Майкл уже сидел там с кружкой «Хайнекена», разговаривал оживленно через всю веранду с огромной черной хозяйкой, но не забывал целовать проходящих женщин — конечно, только хороших знакомых, то есть некоторые проходили непоцелованными. Гретель строго сказала: «Я сама к тебе подходить не собираюсь!» — пришлось Майклу отрываться задницу от табуретки и спешить ей наперерез. Но улыбался он все равно во все тридцать два зуба, и только привычно пожаловался — «Что ж ты меня все время воспитываешь, я тебе в отцы гожусь!» Дела у

него шли вроде ничего, через неделю, как он сказал Гансу, приезжала пара каких-то ненормальных в свадебное полуторамесячное путешествие. Заплатили они половину вперед, Майкл уже нанял повариху, молоденькую девчонку откуда-то из Европы, и сейчас как раз объяснял ей, чем отличается стряпня в камбузе от обычной и как закупать продукты на долгое путешествие.

— Ганс, можно, я тебе возьму кружечку? — предложил Майкл. — Мне с тобой бы посоветоваться насчет клиентов. А Гретель возьмем мороженого!

Они переглянулись.

— Давай попозже, после ланча? — предложил Ганс, Гретель чуть сжала его ладонь, одобрительно.

— Я уже очень сильно расслаблюсь, — огорчился Майкл. — Какие дела после ланча, о чем ты говоришь? После ланча надо готовиться к вечеру. Если ты неправильно провел это время — все, считай, вечер пропал. А это уж вообще последнее дело.

Повариха смотрела на него неодобрительно, наконец позвала:

— Кэп, я записываю, между прочим. Если вы будете со всеми трепаться, мы ничего не успеем.

— Вот, видели? — горестно спросил Майкл, обращаясь уже ко всей улице (они стояли ровно посредине Фронт-стрит, и несколько майкловых друзей и подруг остановились засвидетельствовать свое почтение). — Нанял эту засранку Мишель. Неделя, как приехала из Парижа, и уже знает, как надо работать в наших краях. А на самом деле она даже французского не знает толком. Выгоню я ее к черту, пожалуй.

— Вы меня не можете выгнать, — возразила девица. — Мне тогда не на что будет жить, я пойду по рукам, умру под забором и буду к вам приходить в страшных снах.

— Майкл, — сказала Гретель со смехом, — я вижу, экипаж у тебя уже подобран что надо. Ступай учи девушку, а нам надо идти.

— Я не девушка, — откликнулась Мишель, — а матрос и кок, у меня так в контракте записано. Кстати, Майкл, там еще сказано, что меня будут кормить три раза в день.

— Не «будут», а ты будешь всех кормить!

— Это в море, а на берегу меня надо обучать и кормить. Мы до сих пор не завтракали, а уже одиннадцатый час.

— Правда? — поразился Майкл. — Сейчас закажу что-нибудь.

— Не надо, — откликнулась хозяйка, выходя на веранду со скворчащей сковородкой. — Я ей уже сделала омлет, а то ты ее голодом заморишь. Посмотри, какая худенькая, тебе не стыдно?

— По сравнению с тобой кто угодно будет худеньким, — справедливо заметил Майкл и встал покрепче в ожидании неизбежного ответа.

Воспользовавшись заминкой, Гретель утащила Ганса из теплой компании майкловых друзей, которые уже давали хорошие советы, в основном на тему воспитания барышень и споров с женщинами.

Ганс все никак не мог привыкнуть к тому, что этот разгильдяй, вечно слегка навеселе, забывающий поесть, переодеться, не знающий, утро на дворе или вечер, в море становится совершенной машиной, содержит яхту в идеальном состоянии, знает все отмели и рифы на Наветренных островах, прокладывает курсы хоть по GPS, хоть по звездам, и может стоять вахту 48 часов, если нет подмены. Однако, глядя на него на террасе «Неряхи Джо», многие потенциальные пассажиры не решались положиться на такого капитана. Майкл относился к этому высокомерно-философски — кстати, он и сам

мог послать куда подальше даже самого щедрого клиента, если тот казался ему хамоватым или даже просто дураком. Так что особого капитала он не скопил — но у него была яхта и дом с плоской крышей под звездным небом, а больше ему ничего не требовалось.

Наконец они завернули за угол, за здание таможни, откуда доносились взрывы хохота, и через палисадник подошли к крыльцу библиотеки. Гретель охнула, увидев очередной распутившийся клематис, и Ганс решил не ждать ее, вошел один.

Ему нравилось здесь все. И сам дом, необычной архитектуры, с высокими узкими окнами, и прохлада и полумрак внутри, и особенный запах книг. И эхо тут было особенное — не такое, как в жилых домах, или в магазинах, или в портовых складах. Впрочем, похожее на эхо в мастерской Джона. И библиотечарша была замечательная — мисс Джонсон, старая дева в седых буклях, тоже из китобойской семьи. Сама она училась в классическом университете где-то на материке, вернулась, замуж так и не вышла, но племянников и племянниц, теперь уже и внучатых, у нее было много. Для них она держала в высокой напольной вазе шоколадные конфеты — в библиотеке было всегда прохладно, и конфеты не таяли. Кроме шкафов с книгами, в комнате было множество удивительных предметов: компасы, секстанты, барометр, еще какие-то древние приборы — все из потускневшей меди, с четкими делениями, строгими циферблатами и шкалами. Старинный глобус, с любовно выписанными морскими чудовищами на месте Антарктиды. На стене — старый винчестер с отполированным стертым прикладом, рапира и кортик. Чучело аллигатора висело под потолком, белоснежный попугай бродил по клетке, цепляясь мозолистыми лапами за прутья — он умел открывать дверцу, иногда летал по комнате, но предпочитал проводить время у себя,

качаясь в кольце и разговаривая сам с собой или с хозяйкой.

Все это, да и сам дом когда-то принадлежало отцу мисс Джонсон. Он был из шкиперов. Две другие дочки вышли замуж, а мисс Джонсон осталась хранительницей. Старый Джонсон, говорят, был человеком образованным, всегда уважал книги, а на старости лет проводил дни в саду, в качалке, читая неспешные толстые классические романы, исторические сочинения, книги по естествознанию и даже отцов Церкви. После его смерти мисс Джонсон решила — не пропадать же библиотеке, и открыла ее для публики. Жители охотно жертвовали книги, иногда собирали деньги, помогали содержать дом в порядке. Как раз недавно Ганс чистил желоба, скоро ведь ждали первых дождей. Гретель, конечно, часто помогала в саду: мисс Джонсон последнее время мучил радикулит, и она только давала указания. К тому же она не всем доверяла, а про Гретель сказала, при всех, повелительно: «У этой девочки «зеленый палец», она мне может помочь».

Ганс вошел, слегка пригнувшись, через невысокую входную дверь. В старые времена строили потеснее, а Ганс был здорово выше большинства островитян и пошире в плечах — правда, худ и довольно нескладен на вид. И в помещении он как-то никогда не знал, куда себя деть, вот и сейчас, озираясь в поисках хозяйки, то хватался за стул, то прислонялся к косяку, и в конце концов решил позвать на помощь Гретель. Они столкнулись в дверях.

— Куда ты собрался, милый?

— А ее нету, — начал было объяснять Ганс.

— И ты решил убежать? Нет уж, давай дожидаться, — и Гретель втокнула Ганса внутрь, не обращая внимания на его возмущенное сопение.

— Да не убежать я решил, а за тобой сходить! — наконец сумел объяснить Ганс.

— Боялся один не справиться? — съязвила Гретель, и тут на шум, наконец, спустилась сверху мисс Джонсон, осторожно ступая по лесенке.

— Дети, что вы расшалились? — мисс Джонсон была строга и всегда называла их именно так, хотя у Ганса уже пробивались, и в бороде, и в шевелюре седые волоски. Он и не возражал, наоборот, разговаривал со строгой библиотечаршей с особенным почтением.

— Мы пришли... — он запнулся, не зная, с чего начать. Гретель помогла:

— Мы пришли за советом, вы наверняка знаете!

— Смотря что, милая моя, — мисс Джонсон на лесть особо не поддавалась и была о себе твердого высокого мнения. В общем, заслуженно высокого, как решили в свое время Ганс, Гретель и Саманта. Они сидели тогда втроем в мастерской у Саманты, пили чай собственного урожая и вспоминали разные эпизоды, когда мисс Джонсон решала, неспешно рассуждая, непростые задачи — например, как Саманте быть с Джоном, который не может работать без сердечных волнений? Послать его ко всем чертям, когда он влюбится очередной раз, или незаметно управлять им по-женски? Библиотечарша подобрала Саманте целый веер рассуждений разнообразных великих умов, а потом еще показала, как вывести из них тот ответ, который Саманте хотелось услышать с самого начала. Так они до сих пор с Джоном и живут, каждый в уверенности, что перехитрил другого. Впрочем, они так были всегда привязаны друг к другу, что эти маленькие забавные хитрости, полагала Гретель, можно простить с легким сердцем. Да и по любому вопросу, даже не такому болезненному, у мисс Джонсон находилось обычно оригинальное мнение, а если не было — она его формулировала у вас на глазах,

с безупречной логикой складывая кубик за кубиком, и редко ошибалась в итоге.

— Это, наверное, очень просто, — начала Гретель, доставая записную книжку, но тут же поправилась. — Конечно, не очень, а то бы мы вас не беспокоили! У нас есть несколько слов, и мы не знаем, что они значат, — она раскрыла книжечку в нужном месте и приготовилась прочесть.

Мисс Джонсон слегка приподняла одну бровь и остановила ее жестом.

— Скажи мне, деточка, а откуда у вас эти слова? Последнее, что вы у меня брали почитать — Ганс твой, точнее — это детские сказки. Неужели оттуда?

— Нет, — смутилась Гретель. — Они из разных мест... из других, в смысле. Нам их вообще сказали.

— Ну, хорошо, давай сначала слова, а потом уже поговорим, откуда они.

— Фукус везикулёзус. Таласса. Лотойо, — отдельно прочитала Гретель.

Мисс Джонсон еще раз приподняла бровь, помолчала, потом попросила:

— Ганс, дай мне, пожалуйста, стул.

Присела к столу, жестом попросила блокнот и посмотрела на слова, покачала головой.

— Гретель, эти слова — из мертвых языков. Кто их тебе мог сказать?

— Ганс, — выпалила Гретель, тут же испугалась и жалобно посмотрела на него, даже чуть сжалась.

— Хорошо, Ганс, а ты откуда ты узнал эти слова? Присядьте, милые, мне неудобно задирать голову.

Ганс, придвигая табуретку, задумался — он вдруг вспомнил класс, три ряда парт, тоскливый запах мела и тряпки. Он стоит перед доской в сером неудобном костюме, уши горят, и учительница, высокая, в синем платье, спрашивает: «Откуда ты узнал такие слова?»

Завтра приходи с родителями» — и ужас сжимает желудок.

— Это странная история, мисс Джонсон. Первое слово я увидел во сне. Потом я понял, что это такое.

— *Fucus vesiculosus*, — повторила мисс Джонсон, ведя карандашом вдоль строки.

Тут Ганс поправил ее дотошно:

— Там еще в конце буква L и точка.

— А, тогда все совсем просто. Так что же это такое, по-твоему?

— Это такая водоросль. Их в море довольно много, особенно в Спринг-бей. Со смешными пузырьками в листьях, и когда их отрывает от дна, они всплывают.

— С пузырьками, ну правильно. *Vesiculosus* значит «пузырчатый», — пояснила библиотекарша, вытянув ящик из письменного стола. Она долго перебирала что-то и наконец извлекла пластиковую карточку размером с тетрадный листок, с яркими картинками. Ганс видел много таких у Карла, обычно на них изображали рыбок, живущих на рифах, и аквалангисты брали эти карточки с собой, определять, кто им встретился. Честно говоря, он особого смысла в этом не находил, просто любовался каждый раз как заново, но были такие дотошные туристы, которые даже потом, на палубе, в качку, записывали, кого видели, хвастались друг перед другом. Гретель тоже любила узнавать рыбок, но она обычно рассматривала картинки вечером, валяясь на кровати и дрыгая ногами, и все время отрывала Ганса от занятий: «Ой, посмотри! Вот такую мы видели сегодня, ну правда же?»

Мисс Джонсон, рассмотрев карточку, удовлетворенно кивнула головой и протянула ее Гансу. Сначала он несколько оторопел: тщательно выписанные водоросли были со всех сторон окружены иероглифами. Потом, однако, среди зарослей он различил латинские

буквы, и рядом со знакомой водорослью увидел знакомые слова.

— Это она! — подтвердил Ганс. — Только без буквы L. Библиотекарша подняла палец торжествующе.

— Именно по этой букве я и догадалась. Дело в том, что все растения и животные имеют латинское имя, из двух частей. Первая — название рода, вторая — название вида. А еще иногда в конце пишут имя того, кто первый описал этот вид.

— Так что значит L?

— Был такой великий биолог, Карл Линней. Он описал очень много видов и был вообще одним из первых систематиков. Так что из уважения к нему его имя пишут одной буквой — и так всем понятно, кто это.

Ганс не понял, почему из уважения оставляют только одну букву, но кивнул головой.

— Прекрасно. Дай мне карточку, положим ее пока в сторону. Во сне, значит, — пробормотала она и опять повернулась вопросительно к Гансу. — Давай дальше.

— А следующие два слова мне произнес голос в голове.

— У тебя в голове? — уточнила мисс Джонсон, постукивая карандашом по блокноту.

— Ну да, — Ганс рассказал про то, как он плыл под водой, над самым дном и услышал голос; а потом слегка зашнурлся, потому что вдруг понял, что пока не хочет рассказывать больше, чем нужно — никому, даже мисс Джонсон. Так что он быстро закончил: — А второе слово — это единственное, что я запомнил из длинной строчки, оно там было два раза, поэтому я именно его и запомнил, наверное.

— Ну, наверное, — с сомнением отозвалась мисс Джонсон. — Слова же все одинаковые, незнакомые. — Она повернулась к Гансу. — Расскажи мне подробнее про первое слово. Итак, ты нырнул?

— Да. После долгого перерыва — сначала был ураган, все переболтало, потом мы ремонтировали дом, потом было холодное течение, потом я простудился и валялся дома. А потом был хороший, солнечный день. Во второй половине дня пришел Карл, принес каких-то фруктов, посидел со мной и уговорил меня сходить поплавать немного с маской и трубкой. Мы дошли до Спринг-бэй, я не стал даже надевать маску, просто вошел в воду по пояс, продышался и нырнул. Я плыл вдоль дна, там такая крупная галька, потом начинается песок и растут длинные плавные водоросли. Волной их слегка поднимает и опускает. И вот я плыл между них, было так тихо, и солнце уже заходило, под водой быстро темнело, но еще все было хорошо видно. И я почувствовал... — Ганс запнулся, стараясь найти слово. — Как будто я под вечер вернулся домой, где очень долго не был, и меня ждут.

— Домой?

— Да.

— К себе, во флигель?

Тут он запнулся опять. Слово «домой» он произнес машинально, не думая над его смыслом, а теперь пытался вспомнить — о чем же он тогда подумал? Но нет, он действительно ничего не представлял себе.

— Нет. Понимаете, просто всплыла в голове фраза: «Я вернулся домой».

— Хорошо, — кивнула мисс Джонсон. — И что же было дальше?

— А дальше я услышал голос, как будто издалека. Он раздавался у меня в голове.

— Ты точно знаешь, что именно в голове?

— Да, точно, потому что под водой голос не слышен, — объяснил Ганс. — И он кричал: «Таласса, таласса!»

— Что ты еще запомнил?

— Больше ничего он не говорил. Я только помню главное — что голос был очень счастливым. И еще почему-то я понял, что это слово означает: «море». И я подумал — вот и он понимает, что я чувствую.

— Да, он понимал, и очень хорошо, — отозвалась мисс Джонсон задумчиво. Она сидела со странной улыбкой, как будто глядя куда-то внутрь себя. Потом встрепенулась и подняла глаза на Ганса. — Это очень просто. погоди минутку! Подойди-ка вон к тому крайнему шкафу.

Ганс открыл тяжелую дверцу. В этот шкаф он раньше не заглядывал, здесь стояли солидные книги в темных переплетах и сильно пахло пылью и чем-то старым. Он с трудом дотянулся до верхней полки и извлек, по указаниям мисс Джонсон, томик в черном коленкоре, со стертым корешком. На передней обложке было золотом написано что-то, но странными буквами — наполовину русскими, наполовину английскими, а некоторые буквы были вообще смешными и непонятными.

Мисс Джонсон торжественно открыла книгу, долго листала ее, водила пальцем по строчкам, шевеля губами, снова перелистывала страницы. Наконец она нашла то, что искала, положила раскрытую книгу на стол, а на страницу — плоскую бронзовую плашку, сняла очки, подняла глаза и откашлялась. Ганс и Гретель сидели тихонько, ждали.

— Это очень старая история, ее мало кто помнит, — начала мисс Джонсон. — Прошло уже две тысячи четыреста лет с тех пор. Царь Кир из Персии нанял греческих воинов. Среди них был один, по имени Ксенофонт, который потом написал эту книгу. В одной из битв Кир был убит, и греческие воины решили отправиться домой. Идти было очень далеко, и дорогу они знали плохо.

— Очень далеко — это сколько? — поинтересовался Ганс.

— Если знать дорогу, да нигде не задерживаться, и налегке — несколько недель, наверно. А они шли через чужую страну, непохожую на их Грецию. Совсем непохожую, — подчеркнула мисс Джонсон и сделала паузу. Казалось, она ждет вопроса.

— Чем непохожую? — спросила на этот раз Гретель.

— Понимаешь, детка моя... греки эти все выросли у моря. Они с детства плавали, умели обращаться с веслом и парусом, ловить рыбу. А в той стране, куда их занесло, кругом были только равнины, горы, сушь и камни. Они никогда раньше не забирались так далеко вглубь континента. И шли они через враждебные земли, на них все время нападали то разбойники, то местные жители. Шли очень долго. И вот наконец что случилось, — тут она надела очки и обратилась к книге. — Я буду переводить вам, тут по-гречески.

— Давайте отсюда, — решила она, и начала читать, медленно, с паузами, подбирая слова и, видимо, пропуская кусочки.

«Когда солдаты авангарда взошли на гору, они подняли громкий крик. Услышав этот крик, Ксенофонт и солдаты арьергарда подумали, что какие-то новые враги напали на эллинов спереди, тогда как жители выжженной области угрожали им сзади»

— Эллины — это кто? — спросил Ганс, напряженно слушающий.

— Это греки, так они называли себя сами. Вот, слушайте дальше. *«Между тем, крик усилился. Непрерывно подходившие отряды бежали бегом к продолжавшим все время кричать солдатам, отчего возгласы стали громче, поскольку кричащих становилось больше. Тут Ксенофонт понял, что произошло нечто более значительное...»*

Она подышала на стекла, протерла очки и продолжила:

«Он вскочил на коня и в сопровождении Ликия и всадников поспешил на помощь. Скоро они услышали, что солдаты кричат «Море, море!» и зовут к себе остальных. Тут все побежали вперед, в том числе и арьергард. Когда все достигли вершины, они бросились обнимать друг друга... проливая слезы».

Мисс Джонсон тихо закрыла книгу, и все некоторое время молчали.

— Да, они кричали: «Таласса, таласса!» Ты понимаешь, почему они плакали? — спросила она мягко, обращаясь к Гретель.

— Потому что они увидели море.

— Они знали, что теперь доберутся домой, найдут дорогу, — начала мисс Джонсон, но Гретель упрямо помотала головой и улыбнулась.

— Нет. Они уже пришли домой. Они увидели море.

— Может быть, ты и права, — неожиданно легко согласилась мисс Джонсон, обернулась было к Гансу, но, увидев его лицо, решила не спрашивать ни о чем.

Ганс стяхнул оцепенение и спросил сам:

— Так кто же говорил это у меня в голове? Ксенофонт?

— Такое объяснение тоже может быть, — отвечала мисс Джонсон. — Но есть, милый мой мальчик, такой принцип — начинать с более простых объяснений. Не привлекая сверхъестественных сил.

Ганс подумал, и принцип ему понравился. Он только пока не мог понять, как его применить.

— Ну, это просто, — отвечала мисс Джонсон. — Например, ты когда-то слышал эти слова, просто забыл. Слушал постановку по радио, например. Или кто-то при тебе рассказывал эту историю, с выражением. Слова долго дремали у тебя в памяти, а в нужный момент всплыли.

«Слишком много я всего забыл, — подумал Ганс про себя. — И слишком многое вспоминаю теперь».

Так или иначе, и второе слово они угадали. Мисс Джонсон отложила книгу в сторону и опять обратилась к Гретель:

— Третье слово было... лотойо? — она мельком глянула в записную книжку.

— Да, — ответили Ганс и Гретель почти хором.

— Если это то, что я думаю, то скорее всего это одна из форм слова «лотос». И тогда это опять на древнегреческом.

— Что такое «лотос»?

— Да вы видели его, — заметила библиотекариша. — Это цветок, который один год даже рос в саду покойной миссис Хоббс. Он растет в воде и поднимается над поверхностью.

Ганс и Гретель переглянулись, и Гретель спросила, очень спокойно:

— А это какой-то особенный цветок?

— Цветок редкий, красивый. Но ничего особенного в нем нет. Разве что... есть у меня одна догадка, но, к сожалению, я не могу пока ее проверить. У меня нет этой книги.

— Какая догадка? Какая книга? — заволновалась Гретель. Ганс знал, что у нее сейчас покалывает в ногах, хочется немедленно вскочить и куда-то бежать, и она силой заставляя себя сидеть смирно.

— Есть такая книга, «Одиссея», — отвечала мисс Джонсон. — Разве ты не читала ее? И никогда не слышала?

Гретель огорченно покачала головой.

— Герой плывет домой после войны.

— Тоже эллин? — догадалась Гретель.

— В общем, да. И вот он с товарищами приплывает на остров, где живут лотофаги. Это люди, которые питаются плодами лотосов. Тот, кто отведаст этого плода,

забудет все, что с ним было, и навсегда останется на острове лотофагов, — она замолчала.

Сердце как будто на мгновение провалилось — и тут же застучало, так, что Ганс слышал удары крови в висках. Он не мог даже посмотреть на Гретель, только видел перед глазами нежно-розовый цветок и ощущал пальцами резиновый влажный стебель. «Ну вот, — вертелась в голове пустая бесцветная мысль, — ну вот...» Резкие крики чаек доносились с улицы, и запахи соли, рыбы и цветов показались ему чужими и незнакомыми. Он услышал, как будто из-за стены, голос Гретель, нарочито беззаботный:

— А если лотос только понюхать?

— Не помню, — послышался ответ. Понемногу звук возвращался. — Я должна посмотреть в книге, но пока не могу.

— Вы совсем-совсем не помните? — продолжала все же допытываться Гретель.

— Честно говоря, нет. Но ведь это все равно только книга, может быть, там было сказано так, а может, иначе.

— Наверное, если только понюхать его, — задумчиво проговорила Гретель, — то сначала все забудешь, а потом начнешь вспоминать.

— Это красивая мысль, — одобрила мисс Джонсон. — Вот подскажи ее Гансу, пусть он вставит ее в свою книгу.

Ганс заставил себя улыбнуться.

— Но ведь я же пишу не сказку.

— Гомер тоже писал не сказку, — заметила мисс Джонсон. — Это миф, и он сам в него верил.

— Мисс Джонсон, — вмешалась Гретель, — а что значит «пока не могу проверить»? Вы сказали сейчас...

— Да, пока не могу. Я не помню всего текста, а книги у меня нет. Но через несколько дней смогу ее получить.

— Почтой, с материка?

— Нет, скоро должен прийти корабль-библиотека, а у них столько всего, — она улыбнулась.

Опять стукнуло сердце. Ганс проглотил вопрос, поднялся с табуретки и подошел к Гретель.

— Мисс Джонсон, спасибо вам огромное! Мы зайдем еще попозже, ладно? Нам надо на рынок.

— Ну что вы, вам спасибо, что не забываете старушку. Это все очень интересно и довольно странно. У меня вертится что-то в голове, но сейчас я не могу вспомнить. Пойду прилягу, — она глянула на часы в угловом шкафу, — а вечером, если хотите, заходите на чай. Я ведь не ужинаю теперь, доктор Гульдинг не разрешает.

Гретель пыталась спросить еще что-то, но Ганс чуть сжал ее плечо, и она кивнула, тоже почти незаметно. Встали, распрощались и вышли в ослепительный полдень, Ганс зажмурился на несколько секунд, прежде чем ступить с крыльца в палисадник. Снаружи было не видно, как из полутемной библиотеки мисс Джонсон внимательно и грустно смотрит им вслед.

Не сговариваясь, они вышли на улицу и повернули налево, в сторону дома. Гретель только бросила взгляд на Ганса, немножко успокоилась и зашагала рядом с ним, не обгоняя, принаравливаясь к его шагу.

— Мы ведь домой? — спросила она, когда они повернули еще раз. Ганс кивнул — да, конечно. Постарались проскочить незамеченными мимо «Неряхи Джо», Майкла уже не было, остальным махнули рукой, и Гретель даже улыбнулась и скорчила физиономию — заняты, мол. Когда они вышли из города, Гретель первая спросила:

— Ты понял?

— Не все, но многое. Давай-ка пойдем на Спайс Хилл, там поговорим.

Это было их любимое место — старая заброшенная плантация, где когда-то растили гвоздику и кардамон, а теперь были те же сухие джунгли, что и везде. От конторы остался остов из грубо отесанного известняка, и они любили сидеть на крыльце или в проеме двери. Птиц там было видимо-невидимо, непуганых, и народ почти не забредал, нечего там было делать. Дорога тоже была старая, мощеная плитами из того же известняка, еще различимая в колючих кустах. И тишина была особенная.

Гретель присела в тени акации, достала из рюкзака бутылку воды, отхлебнула.

— Рассказывай ты первый.

— Вот что получается. Давай я сначала, пока не заблудился, скажу про этот несчастный фокус. Я теперь уверен, что мои сны — это про настоящую жизнь. Я бы не смог придумать такого слова, и еще с этой буквой L в конце.

— А ты не мог видеть этого у Карла, на карточках?

— Нет, ты же помнишь: у него только рыбы и ракушки. И названия по-английски.

— Я видела и по-латыни, — вспомнила Гретель. — Но только рыб. И было всегда два слова, без всяких букв в конце.

— А я помню цветную картинку с этим фокусом. Там были еще несколько водорослей. И картинка была вклеена в толстую книгу, в конце. Я не смог бы во сне такого придумать, Гретель, — повторил он.

— Ну, значит, это было, — она подвинулась к нему поближе. — Это не страшно, ведь у тебя все равно была какая-то жизнь, а что тут плохого — читать книги про водоросли?

— Я все вспомню, — пообещал Ганс, нагнувшись поправить ремешок на сандалии, и, наверное, от этого не заметил, как ее губы чуть дрогнули. — Теперь, «Галасса»...

это тоже из прошлой жизни, Гретель. Почему я запомнил эти слова?

— Это как раз просто, — мягко ответила она и обняла его за плечи, прижалась легонько, и теперь уже улыбнулась.

— Просто? — он был озадачен.

— По-моему, да. Я просто глупая женщина, которая тебя любит — дай договорить! — она закрыла ему рот ладонью. — А ты больше всего на свете любишь море. Больше, чем меня, правда?

— Неправда! — он, наконец, оторвал ее руку и обнял ее, и они долго сидели, прижавшись боком друг к другу и просто молчали, слушая тепло и движение крови.

Потом Гретель вздохнула, успокоенная, и посмотрела на свои руки критически. — Маникюр я не делала не помню сколько, а ты мне не напоминаешь. Но все равно у меня самые красивые руки! Ничего больше, правда, нет... Тебе нравятся, наверное, женщины в теле?

— Ох, болтушка. Давай поговорим о лотосе, — печально отвечал Ганс. — Я понимаю, что не хочется, но это ведь самое главное.

— Да, милый. Я просто, знаешь... хотела быть уверенной, что ты готов, — отозвалась Гретель. Она снова неувовимо изменилась, опять вернулась та вчерашняя пружина. Гансу даже показалось на мгновение, что Гретель старше его.

— Получается так. Мы вдвоем приехали сюда. Мы уже были вдвоем. Нас звали как-то по-другому, — на каждую фразу Гретель кивала согласно. — Мы пришли в сад к миссис Хоббс, сели у пруда, понюхали лотос...

— Да, и все забыли, — закончила Гретель.

— И теперь главный вопрос. Ты понимаешь, какой?

— Понимаю. Как это получилось? Случайно?

— Ох, вряд ли. Ты обратила внимание вот на что: лотос рос у нее всего один раз, в прошлом году, когда мы

приехали. Цветков было ровно два, и они только распустились. А через неделю их, наверное, уже не было.

— Да. И миссис Хоббс жила уединенно, к ней мало кто заходил. Уж из приезжих — точно никто.

— А мы зашли, и она пустила нас в цветник, — продолжил Ганс. — Да. Это было не случайно.

— Хорошо, — Гретель подняла глаза. — Тогда второй вопрос: мы сами это все придумали? Или?..

— Опять угадала. Вот как я думаю: что бы с нами ни произошло — кто-то это сделал. Спланировал и сделал. В смысле, это не само по себе произошло.

— Почему ты так думаешь? И кто это такой — «кто-то»?

— Не знаю, почему. Понимаешь, уж слишком все гладко получается. Мы приехали сюда ровно с теми вещами, которые нам нужны — ни больше, ни меньше. Нас сразу направили туда, где все как будто устроено для нас.

— Послушай, а почему не могло быть так, что мы сами все спланировали, а потом просто забыли?

— Может быть. Но такое впечатление, что нас ждали. Нас передавали из рук в руки — миссис Хоббс, мисс Джонсон, миссис Ройс. И все они знали, куда нас направить дальше.

— Но миссис Хоббс предлагала нам остановиться у нее?

— Да. А когда мы отказались, она кивнула и сказала: «Я знала», — внезапно вспомнил Ганс. Он чувствовал, что память его светлеет, но пока не рисковал зайти за черту, туда, откуда они пришли в сад у причала.

— Хорошо, давай пока примем это. Что нас сюда привез или прислал кто-то. Так почему тебя это тревожит?

— Во-первых, мне не нравится, что кто-то за нас все решил.

— Подожди. Тебе плохо? Тебе что-то здесь не нравится? — она села перед ним на корточки, заглянула в глаза.

Ганс почувствовал укол совести — он никогда не видел ее такой встревоженной. Взял за плечи, притянул к себе.

— Ну что ты! Все очень хорошо. И из-за этого, наверное, всякая ерунда в голову лезет.

Гретель мотнула головой.

— Это не ерунда. Давай дальше рассказывай.

— На чем я остановился? Ах, да. Мне не нравится, что за нас решили и все за нас сделали, потому что... во-первых, потому что не хочу, чтобы за меня решали.

— «Во-первых» уже было, — она слабо улыбнулась и шмыгнула носом.

— А я по новой начал считать!

— Вот, заврался совсем и выпутываешься!

— Ну погоди, послушай дальше. Самое главное даже не это. А то, что если мы попытаемся понять, для чего они это сделали... понимаешь?

— Если честно, то нет.

— Что-то изменится. Того, что было, уже точно не будет.

— А что будет? — она подняла глаза и смотрела очень серьезно.

— Этого я не знаю, — Ганс смотрел, не отводя глаз, хоть ему и было неуютно.

— Знаешь, Ганс, — она назвала его по имени первый раз за много дней, и он чуть насторожился, — я думаю, того, что было, не будет уже в любом случае.

Они молчали довольно долго. Потом Ганс встал, подал ей руку.

— Значит, давай искать?

— Значит, давай. — Она встала. — Только сейчас пойдем, наверное, домой. Я очень устала, если честно. И мне надо посидеть и подумать.

Ничего они в тот день не придумали. Посидели за чашкой кофе, перебрасываясь вялыми полуфразами — и мыслей новых в голову не приходило, и не хотелось говорить там, где могли услышать. Почему-то Гансу казалось, что не надо ни с кем делиться этими открытиями, и Гретель согласилась с ним. Почему именно не надо — они не обсуждали, просто было ощущение настороженности.

Вечером Ганс никак не мог приняться за работу, голова была занята не тем. Перечитывал последний кусок и не понимал, что же произойдет дальше. Наконец, он отложил с досадой ручку, поднял глаза — Гретель смотрела на него, как-то необычно грустно. Впрочем, она сразу повеселела:

— Ну что, милый, ты соскучился по мне?

— Ага, — признался Ганс с облегчением. — Я к тому же вспомнил, про что я хотел спросить у мисс Джонсон.

— Про корабль-библиотеку, — почти утвердительно предположила Гретель.

— Да. Что это, как ты думаешь?

— Я думаю, что это... такой корабль?

— А на нем библиотека?

— Да, — отвечала Гретель радостно.

— Какая ты у меня умница, ну просто невероятно! — воскликнул Ганс, и Гретель, с возмущенным воплем схватив подушку, принялась бить его по голове, а он закрывался, просил пощады, а потом, изловчившись, схватил ее поперек живота и бросил на кровать. Когда Гретель была окончательно обезврежена, Ганс первым предложил мировую, она подулась для порядка, но вырваться не могла, пришлось согласиться — на условии, что он должен будет ей семь порций мороженого. Сторговались на одной порции и еще на аленьком цветочке.

А потом, совсем поздно ночью, они лежали на совершенно мокрых простынях, и Ганс, когда пришел в себя и смог говорить, спросил чуть тревожно:

— Что это было?.. что с тобой сегодня?

Она уткнулась носом ему в плечо и помотала головой отрицательно. Потом ответила, шепотом:

— Не знаю. Просто я поняла, что очень люблю тебя. Это ведь не страшно?

— Нет, — и он обнял ее покрепче. Так они и проснулись утром.

Гретель сидела в библиотеке и читала толстую книгу о путешествиях. Мисс Джонсон обещала быть в час дня, и Гретель уже который раз смотрела на свои водонепроницаемые часы. Она была сегодня одна, Ганс отправился с Майклом на майклову яхту, проводить профилактику перед долгим рейсом. Вопросы она сформулировала и даже записала, рассказы про бедуинские нравы в голову не лезли, так что она наконец с досадой захлопнула книжку — и ровно в этот момент величаво заскрипела входная дверь: мисс Джонсон вернулась с прогулки.

— Сегодня не так жарко, и я что-то засиделась в кофейне, — извинилась она. — Ты нашла, что почитать? Дай-ка я налью тебе лимонада.

Они вышли в сад через заднюю дверь, Гретель несла прохладный кувшин, а хозяйка — две глиняные чашки. Уселись за мраморный столик с отбитым краем, под старой глицинией. Уже давно сгнила беседка, которую строил скипер Джонсон, а глициния все сохраняла ее форму.

— Ну что, моя девочка? — спросила мисс Джонсон. — Не выспалась?

Гретель неожиданно покраснела, не сразу сообразив, про что ее спрашивают, а библиотекарьша продолжала:

— Я и сама очень заинтересовалась — что же это за голоса, которые слышатся твоему Гансу. И про лотос я хочу посмотреть — но это уже совсем скоро.

— Да, — обрадовалась Гретель, — а я как раз хотела у вас спросить: что такое корабль-библиотека?

Мисс Джонсон сняла очки и внимательно посмотрела на Гретель. Сложила руки на коленях, помолчала и начала, как будто очень издалека:

— Много лет тому назад жил один состоятельный человек. Он заметил, еще когда сам был ребенком, что интереснее всего ему было с теми детьми, которые читали книжки. Потом, когда он вырос, он общался с людьми самыми разными — с теми, кто умел работать руками, с теми, кто играл на музыкальных инструментах, с теми, кто умел делать деньги. Он и сам неплохо научился этому последнему делу, но в какой-то момент вдруг решил остановиться и подумать. Думал он долго, и в конце концов понял несколько простых, но важных вещей. Я тебе сейчас все их пересказывать не буду, но одна из его мыслей была такой: как изменился бы мир, если бы люди больше читали? А после этого он спросил себя: не снарядить ли большой корабль с книгами и не отправить ли его в плавание вокруг света? И пусть он заходит в самые разные порты, и пусть на корабль поднимаются люди, берут книги, сидят на палубах и в каютах и читают. Дело в том, что — как-то уж так получилось в этом мире — что вокруг портов живет народ не особо читающий. Нет у них времени и денег.

Гретель вспомнила всех своих друзей, у кого она брала книги, и поняла — да, они живут или чуть за городом, в холмах, или у моря, но далеко от центра. А на Фронт-стрит и Бэк-стрит живут люди попроще — рыбаки, грузчики, мелкие торговцы, огородники, механики.

— Конечно, — продолжала библиотекаряша, — идея может показаться безумной. Что сделает один корабль, пусть даже битком набитый книгами, когда в мире столько городов, да еще и не все стоят у моря? Но человек этот отличался одной особенностью — она ему в свое время помогла разбогатеть. Если он решал, что правильно поступать так-то, то именно так он и поступал. И если что-то могло улучшить мир — то он не говорил себе: «Весь мир не переделаешь», а просто делал это. Некоторые называли его ограниченным человеком, но это его не обижало.

Надо сказать, сложностей возникло много. Хорошо, что у него были толковые друзья, которые с удовольствием взялись помогать, — мисс Джонсон взяла кружку и не спеша отпила лимонаду.

— Какие сложности? — Гретель слушала очень внимательно и несколько раз уже порывалась спросить, но все не было момента.

— Такой корабль должен быть удобно спланирован. В грузовом корабле почти весь объем занимает трюм — как в нем складывать книги? В пассажирском много маленьких кают, а больших помещений, для самой библиотеки, почти нет. В конце концов, он купил очень странный корабль, идеально приспособленный, как будто специально построенный под библиотеку. Говорят, история его такова. Когда в Америке задумали строить метро, вагоны делали только в одном месте на земле, в Лондоне. Англичане сумели получить громадный подряд и за год построили корабль, куда вагоны загоняли в несколько рядов, в этакие шестигранные тоннели, точно как тоннели лондонской подземки. Однако через несколько лет американцы и сами освоили вагоностроение, и корабль долго стоял на приколе, потом перебивался случайным фрахтом, ржавел, и его совсем было собирались сдать в металлолом, когда под вернулся наш филантроп.

Гретель понимала не все, что-то всплывало у нее в голове, как воздушные пузыри, когда вниз уходят дайверы, но тут же и лопалось, и она решила отложить воспоминания на потом.

— Ты понимаешь, почему, когда он увидел эти шестигранные тоннели, он закричал: «Беру?» — поинтересовалась мисс Джонсон, как бы слегка небрежно. Но Гретель сегодня трудно было обмануть, она поставила следующую мысленную отметку.

— Нет, а почему? — вроде бы, это прозвучало тоже достаточно невинно.

— Ну, понимаешь, — разъяснила библиотекарша, — ведь в этих тоннелях очень удобно сделать полки вдоль стен, место совсем не пропадает, — она все ждала какой-то реакции, и смотрела на Гретель чуть пристальнее. Гретель выдержала взгляд:

— Действительно! Как замечательно придумано! — а в голове крутилась и билась какая-то мысль, совсем уже близкая.

— На верхней палубе была большая кают-компания, салон, много места просто на палубе, в общем, вопрос с кораблем решился, — продолжила мисс Джонсон. — Но были и другие, даже важнее. Например, на каких языках брать книги. Ты знаешь, что в мире 5 тысяч языков?

Гретель ошарашенно помотала головой, это как-то не укладывалось в голове.

— И что, взять по десятку книг на каждом? Это абсурд, разумеется. Но выяснилась простая и замечательная вещь, — тут мисс Джонсон довольно улыбнулась, даже блеснула глазами, как фокусник после удачного трюка.

— Оказалось, что в истории человечества было не так много народов-мореплавателей. Скандинавы, испанцы, португальцы, голландцы, англичане и французы. Ну, были еще и другие. Эллины, например, или

римляне, но это было совсем давно. Арабы и китайцы, они много плавали в Индийском и Тихом океане.

Гретель сообразила:

— И эти языки?

— Да, во всех приморских городах мира говорят на этих языках, — подтвердила мисс Джонсон с торжеством. — Оставался еще и главный вопрос: какие именно книги брать с собой?

Она снова отпила из глиняной чашки и продолжила:

— Оказывается, в мире выходят миллионы книг! И, к сожалению, большая их часть — полная ерунда. Они быстро умирают, и их трупы продолжают забивать склады, магазины и библиотеки. А есть книги настоящие, но ни один человек в мире их не прочитал все. Есть замечательные детские книги, без которых ни один мальчик не вырастет настоящим мужчиной, а девочка — настоящей женщиной. Да, часто это одни и те же книги, — улыбнулась библиотекаря на вопросительный взгляд Гретель. — Есть книги, которые надо перечитывать с детства и до старости, каждые несколько лет. Есть замечательные учебники, и хорошо, если ребенок наткнется на них еще до того, как в школе он будет проходить их в классе: хороший учебник надо читать самому, не спеша. Есть книги о человеческой жизни, которые можно прочитать марсианину, и он все поймет про нас. А есть книги странные, которые раздражают и тревожат, и люди читают их столетиями, обсуждают, все хотят понять смысл. И в каждом столетии находят новый смысл, а старый иногда забывают. Некоторые книги прочитали, может быть, несколько десятков человек, но они, книги эти, изменили мир.

Гретель думала о том, как выглядят миллионы книг. Она не очень хорошо могла представить такое количество, и вообразила себе длинную анфиладу таких же

комнат, как библиотека мисс Джонсон, уходящую вдаль, сколько хватает глаза.

— Есть еще такая теория, — продолжала мисс Джонсон, — что для каждого человека есть одна главная, его книга. Если он прочитает ее, он изменится навсегда, — она сделала паузу.

Становилось совсем жарко даже здесь, в тени, и Гретель уже довольно давно казалось, что слова старой женщины не доходят снаружи, а звучат прямо у нее в мозгу, как будто внутренний голос, и она даже знает, что будет сказано через секунду. Так что она послушно, почти против своей воли спросила:

— А кем он станет?

— Тем, кем он должен быть, — отвечала библиотекарша раздельно и с ударением.

— Разве это... подождите! — Гретель волновалась и не могла объяснить, наконец выпалила: — Разве у человека только один вариант?

— Это всего лишь теория, милая моя девочка. Ее придумали старые мудрые люди, может быть, правда, слишком усталые.

— Ну хорошо, пускай даже это так. А как тогда узнать, что это за книга? Она ведь не для всех одна и та же?

— Некоторые считают, что одна, и готовы убить тех, кто верит в другие книги, — невесело усмехнулась мисс Джонсон, отставила наконец чашку и выпрямилась, села поровнее. — Говорят, что на корабле-библиотеке собраны все главные книги. Другие, конечно, тоже, но главные — все. Человек, о котором я рассказываю, очень долго сам думал над этой проблемой и собрал несколько замечательных ученых. Они поселились почти на год на одном из островов здесь неподалеку, тайно, и работали вместе. Им удалось найти алгоритм поиска. Алгоритм, — пояснила она, — это просто способ, правило. Если начать со всех вообще книг и следовать

этому правилу, то можно сократить число книг до нескольких тысяч. Ну, десяти, пятнадцати тысяч, не больше. Они все будут очень неплохи, и все главные книги будут там. Сколько их — неизвестно, говорят, что от ста до пятисот.

Да, это была отличная работа, — задумчиво продолжала мисс Джонсон. — И нелегкая. Говорят, что было закуплено и выпито двенадцать мешков отборного ямайского кофе, выкурена сотня ящиков доминиканских сигар, а готовили и прибирали исключительно старые дородные негритянки, — тут мисс Джонсон вдруг прыснула, как девчонка, и они обе расхохотались.

Голова у Гретель немного прояснилась, и стало как-то вдруг легко и радостно. Она наконец сменила позу — нога, оказывается, ужасно затекла и теперь колослась мурашками. Мисс Джонсон встала не спеша и предложила:

— Не вернуться ли нам в библиотеку, там попрохладнее?

Они шли по извилистой гравийной дорожке, хрустя камешками, Гретель осторожно ступала на затекшую ногу, а когда мурашки прошли, спросила:

— А как же все-таки найти главную книгу? Ведь прочитав все десять тысяч томов вряд ли успеешь?

— Знаешь, — отвечала мисс Джонс рассудительно, — я не верю в эту теорию. Но в любом случае — вреда от того, что будешь читать хорошие книги, не будет, правда ведь? Но некоторые верят и продолжают работать, там, на корабле.

— Те же самые, знаменитые ученые?

— Нет, они бы не справились и за всю жизнь. И потом, их ждали дома, и в их университетах — нельзя же совсем исчезнуть из жизни? — тут она бросила быстрый взгляд на Гретель.

Гретель, однако, этого не заметила, потому что в голове назойливо, где-то сзади, где не видно, как будто

зажужжал комар — а что он хотел сказать, было непонятно. Опять пришлось оставить мысленную отметку.

— На корабле работают их ученики, люди помоложе, — продолжала мисс Джонсон. — Кто проводит там месяц, кто несколько, кто и годы — это уж у кого как получится. По доброй воле они от этой работы не отказываются, только если уж совсем загонят в угол обстоятельства. И потом, вот еще что важно.

— Что? — встрепелась Гретель. Комар зажужжал веселее, как будто почувствовал цель.

— Говорят, что иногда кто-то из ученых находит свою главную книгу. Это происходит случайно. Просто потому, что они много читают, а главные книги все собраны на корабле.

— И что же тогда происходит? — Гретель затаила дыхание, хотя уже начала понимать.

— Тогда человек становится тем, кем он должен быть. И делает то, что он должен делать. Нет, пойми, он не становится зомби. Просто он понимает, что для него главное. И часто это совсем не работа в библиотеке, девочка моя, — они подошли к задней двери, и мисс Джонсон взялась за ручку. — Пойдем-ка внутрь, я хочу рассказать тебе еще кое-что, а тут слишком жарко.

Майкл сидел, развалясь, в кокпите и потягивал «Хайнекен» из мокрой холодной банки. Пива на острове, увы, не делали. Когда Майкл добирался до Венесуэлы, он забивал целый чулан тамошним «Полярным». Хоть он и подтрунивал над названием — сам-то Майкл был из Канады, и с небрежной гордостью упоминал метели и торосы, но венесуэльское пиво любил за сочный цвет и настоящую горечь. Однако по возвращении на остров чулан с помощью друзей опустошался за три дня, и

приходилось переходить на скучный, одинаковый во всем мире напиток.

На сегодня была запланирована очень важная процедура — покраска палубы противоскользкой краской. Ганс теперь хорошо понимал, какая это полезная штука, после того как приложился копчиком о палубу в совсем небольшую качку, да еще и уронил баллон — хорошо, что на бедро, а не повыше. Так что сегодня, пользуясь безветрием и легкой дымкой, они с Майклом дружно взялись за дело — откладывать уже было некуда, до выхода оставалось десять дней.

Все утро Ганс откручивал с палубы разнообразные торчащие части и запоминал их названия: утки, лебедки, кнехты, обклеивал липкой лентой порожки («комингсы»). Ему очень нравились эти морские названия, и он их запоминал с удовольствием, шепча про себя. Теперь он дошкуривал последний кусочек палубы. Майкл пока разводил краску, лениво ругался с Мишель, но в основном пил пиво и развлекал свою небольшую команду рассказами о прошлом. Ганс всякий раз недоумевал — как Майкл при таком веселом детстве дожил хотя бы до окончания школы. И в тайге он терялся, и бураны его заносили, и под лед, естественно, он проваливался не раз — уж очень им в деревне не терпелось поскорее начать хоккейный сезон. Была еще одна причина, по которой Ганс любил слушать эти истории: каждый раз ему казалось, что и с ним было что-то похожее. И вот что интересно — его это не тревожило, как некоторые уж очень подробные сны, наоборот, становилось и грустно, и тепло — в общем, он сам не мог разобраться в себе, но ждал майкловых рассказов всегда.

Сегодня, правда, Майкл вспоминал ураган позапрошлого года, в который он попал самым неудачным

образом, в бухте на Гренаде, откуда выйти-то толком было нельзя. Яхту тогда здорово побило, выкинуло на отмель, и до апреля Майкл приводил ее в порядок. Кое-что он так и не успел сделать, так что сейчас приходилось, например, заниматься покраской.

— Так ты решил, значит, переждать на берегу, бросил старушку? — подначивала его Мишель. — А как же — капитан не покидает корабля?

— Это тебя обманули, — убежденно отвечал Майкл. — Капитан покидает судно последним. Ну, вот, я тогда был один, значит, последним и покинул.

— Так почему все-таки покинул? — не отставала Мишель.

— Потому что страшно очень было, — честно отвечал Майкл. — Я, знаешь, видел штук двадцать ураганов, но этот был хуже всех. Даже на берегу все к чертовой матери переломало. На всем острове, может, два десятка целых домов осталось, в центре, в котловине. Сначала я надеялся выстоять, бросил оба якоря и полным ходом шел навстречу ветру. То есть пытался идти. И все равно меня стаскивало. Когда затихло минут на пятнадцать — я только успел спустить шлюпку и дойти до берега.

Майкл каждый год после сезона ураганов клялся, что уж на следующий-то год уйдет, как все добрые люди, заблаговременно на север — и каждый раз находились дела, а потом азарт захватывал, и его уже и силой нельзя было эвакуировать. Зато потом он мог пренебрежительно сплевывать под ноги, встречая «перелетных птиц», как он их насмешливо называл.

Ганс разогнулся, наконец, голова слегка закружилась, и звездочки поплыли перед глазами. Неудивительно — последний час он простоял на четвереньках со шлифовальной машинкой. Ганс с наслаждением потянулся — надо еще окатить все водой, пройтись шваброй,

но это уже пускай Мишель делает, справится. Вообще девчонка была вполне ладная, работающая, а ругалась с Майклом просто так, чтобы уж не было все как в книжке: «Сэр, йес, сэр». А он заслужил банку пива!

Ганс плюхнулся напротив Майкла, откупорил «Хайнекен» и разом ополовинил. Показалось, что пиво всосалось в кровь, не доходя до желудка, как в горячий песок, и тут же проступило на коже потом. Ради этого момента стоило поработать, подумал Ганс умиротворенно. А уж когда Мишель, щурясь, вылезла из салона, взяла веревочную швабру и ведро и принялась драить палубу — стало совсем хорошо, Ганс допил пиво и открыл, уже не спеша, вторую баночку.

— Это правильный расклад, — провозгласил Майкл. — Мужчины должны сидеть и пить пиво, а женщины драить палубу. Вот говорят, женщина на корабле — плохая примета. Я считаю, это какая-то средневековая дикость. Женщины, если их правильно использовать, это не только украшение любого судна, но и... — тут Мишель картинно отставила швабру, подперла бок рукой и глянула на Майкла сурово. Он сбился с мысли, махнул рукой и полез вниз, в салон. Через минуту он уже вернулся с небольшим мешком из суровой холстины, плоскими электронными весами, здоровенным стаканом и кофемолкой. Кофемолку Майкл воткнул в розетку, поставил стакан на весы, выставил ноль и запустил руку со стаканом в мешок. Ганс с интересом наблюдал за этими странными действиями и наконец не выдержал:

— Что у тебя там, в мешке? Кофе?

— Давай поспорим, что никогда не угадаешь? — предложил Майкл. — Подскажу — нет, не кофе, какой же кофе, когда мы пьем пиво?

Гансу было лень гадать, так что он сразу сдался. Майкл огорченно вздохнул:

— Ладно, скажу. Скорлупа от грецких орехов, — и тут же повеселел, глядя на озадаченного Ганса: — Не веришь? Напрасно, напрасно!

Достав полный стакан, Майкл торжественно поставил его на весы и записал вес в желтом блокноте. Высыпал стакан в миску, повторил процедуру еще несколько раз. Достал калькулятор, долго тыкал в кнопки, выписывал какие-то дробь, шевеля губами. Опять потыкал в кнопки, досыпал еще немножко скорлупы и наконец, завязав мешок, убрал его под сиденье. Ганс все еще ничего не понимал, а уж когда Майкл засыпал первую горсть скорлупы в кофемолку, опять поинтересовался:

— Что готовить будешь? Какой-нибудь венесуэльский напиток?

Майкл изобразил на лице обиду. Над его пристрастием ко всему венесуэльскому подтрунивали все кому не лень. Он предпочитал тамошнее пиво, сигары, девушек — уверял, что они самые беззаботные в Латинской Америке. Но больше всего он любил капибар, или карпинчей, как он их называл. В Венесуэле их было видимо-невидимо, а с одним, который жил на ферме у майклова друга, он очень подружился, всегда навещал, привозил чего-нибудь вкусного. Развешал его фотографии у себя в капитанской рубке — вместо красоток, как у других шкиперов. Про карпинчо Майкл говорил даже теплее, чем про девушек, и складывалось впечатление, что они там по вечерам часто ведут философские беседы. Впрочем, отчего бы и нет?

Как-то раз Ганс и Джон разыграли его: Джон написал огромную, чудовищно аляповатую картину, с ягуарами, попугаями, роскошными голыми девушками, и они убедили Майкла, что это шедевр венесуэльского примитивиста Роберто Сьенфуэгоса, которого всякий культурный человек должен знать. Майкл возжелал

картину, ходил к Джону и ныл, просил продать ее за любые деньги. Когда предложенная сумма достигла уже неприличного размера — пожалуй, Майклу пришлось бы закладывать дом, но он не сдавался, и в глазах у него появился нехороший огонь — Джон совсем было растерялся, но нашел выход. Он встретил Майкла сообщением, что это поддельный Съенфуэгос, и что он, Джон, готов уступить его за ящик пива и коробку сигар. В результате они же и остались в дураках, потому что пиво прикончили в тот же вечер, сигары за неделю, а шедевр Майкл повесил у себя в гостиной на самом видном месте — и он был единственным, кому этот ужас нравился, а смотреть приходилось всем.

Мишель вытащила очередное ведро заборной воды, окатила палубу и прошлась шваброй. Выкрутила ее ловко, встряхнула и поставила сохнуть, а сама подсела к Майклу, достала сигарету и с удовольствием закурила. Некоторое время они с Гансом наблюдали за тем, как Майкл с хрустом доламывает в ладонях ореховую скорлупу. Солнце прошло зенит, и Мишель свернула навес над кокпитом. Было как-то необычно тихо и приятно.

Майкл принялся загружать скорлупу в здоровенную кофемолку — в нее помещались три полные пригоршни. Долго жужжал, каждые несколько секунд открывая крышку и проверяя качество помола, наконец, высыпал скорлупу во вторую миску. Повторил со следующей порцией.

— А теперь, друзья мои, — объявил он, — будем работать втроем. Ты, — он ткнул Гансу в грудь пальцем, — будешь непрерывно мешать краску. Ты пойдешь готовить ланч. А я буду красить.

— Хорошо, — согласился Ганс, — так зачем ты все-таки молот скорлупу?